

ся перманентная направленность на карнавализацию жизни.

Поликонстантный анализ арго французских фермеров позволяет сравнить языковые механизмы, функционирующие как в нормативном языке, так и в арго других профессиональных групп. Представленная модель описания профессионального арго может быть использована в ходе изучения лексического репертуара представителей и самых распространенных, и самых редких профессий.

Литература

1. Береговская Э.М. Пятиаспектный анализ профессиональных арго (на материале арго французских авто- и мотогонщиков) // Социальные варианты языка-III. Н. Новгород : НГЛУ, 2004. С. 205 – 209.

2. Береговская Э.М. Концепты «прекрасное» – «уродливое» во французском арго // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного. М. : Индрик, 2004. С. 136 – 142.

3. Береговская Э.М. Характеристика арго французских книготорговцев // Язык в современных общественных структурах (Социальные варианты языка-IV). Н. Новгород : НГЛУ, 2005. С. 72 – 75.

4. Герд А.С. О лингвистическом подходе к понятию «жаргон» // Слово в словаре и дискурсе. М. : ЭЛПИС, 2006. С. 201 – 208.

5. Alliot D. Larlépém-vous louchébéem ? L'argot des bouchers. Paris : Horay, 2009. 93 p.

6. Bensimon-Choukrout, G. Les mots de connivence des jeunes en institution scolaire: entre argot ubuesque et argot commun // Langue française. 1991. № 90. С. 80 – 94.

7. Chaudieu G. Le langage des bouchers. Paris : J. Peyronnet et Cie, 1951. 63 p.

8. Delaplace D. Bruant et l'argotographie française. L'argot au XXe siècle (1901). Paris : Honoré Champion, 2004. 305 p.

9. Depecker L. Dictionnaire du français des métiers. Adorables jargons. Paris : Éds du Seuil, 1995. 353 p.

10. Merle P. Nouveau dictionnaire de la langue verte. Le français argotique et familier au XXI siècle. Paris : Denoël, 2007. 890 p.

11. Perret P. Le parler des métiers. Dictionnaire thématique alphabétique. Paris : Robert Laffont, 2002. 1175 p.

12. Professeur Anatra. Une langue bien aiguisée, le louchébéem / Professeur Anatra // Le Canard Enchaîné. 2008. № 4538. 27 août. P. 5.

13. Tamine M. Dictionnaire du français régional de Champagne. Paris : Éds Bonneton, 1993. 157 p.

14. Tuailon G. Les régionalismes du français parlé à Vourey, village dauphinois. Paris : Éds Klincksieck, 1983. 383 p.

System description of professional argots (based on the argots of French farmers)

There is tested the model of polyconstant analysis of French farmers' argot. The methodology of professional argot's description allows revealing the peculiarities of lexical periphery of the language and lays the foundation for comparative analysis of different professional patois. The research algorithm of passwords includes five components: size, mechanisms of argot vocabulary formation, semantic dominants, synonymy, figurativeness.

Key words: *professional argot, argot word formation, argot receptive concept, synonymic row, tropological space.*

В.В. СДОБНИКОВ
(Нижний Новгород)

КОММУНИКАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПЕРЕВОДУ В ЗАПАДНОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Определяется характер коммуникативных эффектов, производимых текстами разной жанрово-стилистической принадлежности в условиях двуязычной (переводной) коммуникации. Предлагается рассматривать коммуникативный эффект как производное от функции текста и как способ реализации коммуникативной интенции автора. Обосновывается невозможность обеспечения полного совпадения коммуникативных эффектов, производимых оригиналом и переводом.

Ключевые слова: *коммуникативный эффект, коммуникативная интенция, функция текста, научный текст, газетно-журнальный информационный текст, публичная речь, реклама, художественный текст.*

Коммуникативно-функциональный подход к переводу основан на положении о включенности переводческого акта в широкий контекст межъязыковой и межкультурной коммуникации, в процесс общения между автором

оригинала и получателями перевода. К числу компонентов коммуникативного акта, таким образом, следует относить, помимо текстов оригинала и перевода, самих субъектов коммуникативной деятельности, т.е. автора исходного сообщения, получателя перевода, а также переводчика. В условиях двуязычной коммуникации задача переводчика заключается в реализации коммуникативной интенции автора исходного сообщения путем создания текста на переводящем языке (ПЯ), потенциально способном оказывать на реципиента перевода коммуникативное воздействие, по своему характеру в максимально возможной степени схожее с тем, которое оригинал оказывает на своего реципиента. Таким образом, сами тексты оригинала и перевода выступают в качестве инструментов общения, инструментов обеспечения определенного коммуникативного эффекта. При установлении степени успешности определенного акта межъязыковой коммуникации (адекватности перевода) следует принимать во внимание, насколько полно была реализована в переводе коммуникативная интенция автора оригинала, насколько совпадают или различаются коммуникативные эффекты, производимые оригиналом и переводом.

Коммуникативно-функциональный подход к переводу своими корнями уходит в глубокую историю переводческой деятельности. К числу его «предтеч» можно с полным правом отнести Цицерона и св. Иеронима, которые настаивали на передаче смысла оригинала, а не его слов («*non verbum e verbo, sed sensum exprimere de sensu*»). В еще большей степени мысль о необходимости донести смысл текста до сознания реципиента перевода звучит в теоретических работах Мартина Лютера и практически воплощена в его переводе книг Нового и Ветхого заветов.

Однако основы коммуникативно-функционального подхода к переводу сложились в более или менее законченном виде лишь во второй половине XX в. Это связано с тем, что именно в это время языкознание значительно расширило область своих интересов. Как писал В.Н. Комиссаров, «от исключительного внимания к развитию и структуре языковых систем оно обратилось к широкому кругу проблем, определяющих возможность использования языка как орудия мысли и средства речевой коммуникации» [2, с. 3]. В центре внимания лингвистов оказались смысловая сторона языковых единиц и речевых произведений, связь языка с мышлением, реальной действительностью, с обществом и его культурой. В

рамках переводоведческих исследований, наряду с филологическим, лингвистическим и социосемантическим подходами, появился и коммуникативный подход, в основе которого – такие заимствованные у теории коммуникации понятия, как «источник», «сообщение», «рецептор», «обратная связь», «процессы кодирования и декодирования». Большой вклад в развитие современного переводоведения внесли исследования, ориентированные главным образом на рецептора перевода, анализирующие прагматическое воздействие, или коммуникативный эффект и способы достижения такого эффекта [2, с. 8].

У нас есть все основания полагать, что первоначально основы коммуникативно-функционального подхода возникли в западном переводоведении, а затем были восприняты и получили развитие в отечественной теории перевода (см. об этом [3]). Представляется, что наибольший вклад в формирование данного подхода внесли работы прежде всего Ю. Найды, лейпцигской переводоведческой школы, а также некоторых других представителей западной переводческой мысли. Из их числа прежде всего следует отметить Дж. Касагранде, который в своей статье «Цели перевода», опубликованной в начале 1950-х гг., сформулировал понятие абсолютной эквивалентности. Абсолютная эквивалентность в его представлении предполагает обеспечение идентичной реакции читателей перевода. В качестве способа проверки эквивалентности перевода Дж. Касагранде предлагал изучение реакций на перевод со стороны его получателей-информантов (излагается по [2, с. 49]). Несомненно, Касагранде в определенной степени предвосхитил некоторые концепции переводоведческой школы Ю. Найды.

Ю. Найда внес значительный вклад в развитие лингвистической теории перевода; его идеи повлияли на формирование основ коммуникативно-функционального подхода к переводу, хотя и не обрели в России должного признания и поддержки. Наибольшую известность приобрело предложение Ю. Найды различать два вида эквивалентности – формальную и динамическую [4]. Формальная эквивалентность ориентирована на оригинал и достигается обязательным сохранением части речи при переводе, отсутствием членения или перестановки членов предложения оригинала, сохранением пунктуации, разбивки на абзацы, а также применением принципа конкорданса (т.е. перевод определенного слова всегда одним и тем же соответствием). Другими словами, речь идет о буквальном, пословном пере-

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

воде, отнюдь не ориентированном на оказание воздействия на получателя перевода. Динамическая эквивалентность, напротив, ориентирована на реакцию рецептора и стремится обеспечить равное воздействие на него. Это предполагает адаптацию лексики и грамматики, чтобы перевод звучал так, как автор написал бы на ином языке. Таким образом, задачей перевода, по мнению Ю. Найды, является создание на языке перевода наиболее близкого естественного эквивалента (*the closest natural equivalent*) тексту оригинала, а наибольшая близость, в свою очередь, определяется прежде всего равенством реакций рецепторов перевода и рецепторов оригинала.

Следует заметить, что в настоящее время требование равенства реакций со стороны рецепторов оригинала и перевода представляется максималистским, поскольку не учитывает существенных различий между самими рецепторами оригинала и перевода, которые определяются их принадлежностью к разным культурам, различиями в фоновых знаниях, разным опытом и т.п. С учетом этого обстоятельства равенство реакций представляется недостижимым идеалом. Да и следует ли рассматривать такое равенство в качестве критерия полноты межъязыковой коммуникации, когда и в одноязычной коммуникации реакции разных получателей одного и того же текста могут быть различны? Не случайно сам Ю. Найда в своей более поздней работе проявляет уже большую осторожность в формулировании требования равенства реакций: *“The translation process has been defined on the basis that the receptors of a translation should comprehend the translated text to such an extent that they understand how the original receptors must have understood the original text”* [5, с. 36]. Это указание представляется весьма примечательным. Здесь нет уже крайностей, связанных с требованием обеспечить равенство реакций со стороны получателей оригинала и перевода, но важной остается ориентация на получателей перевода, которая предполагает создание такого текста, ознакомление с которым позволило бы им понять, как воспринимают оригинал его читатели. По сути, осознание получателями перевода характера воздействия на получателей оригинала со стороны исходного текста и есть критерий успешности межъязыковой коммуникации.

В концепции Ю. Найды наиболее привлекательной нам представляется идея вовлеченности получателя перевода в сам процесс двуязычной коммуникации, идея учета степени понимания получателем авторского «по-

слания». В своей работе [5, с. 33] Найда пишет: «На вопрос, является ли правильным перевод, можно ответить только другим вопросом: “Правильный для кого?”. Действительно ли понимают те, кому предназначен перевод, что имеется в виду, или текст перевода для них непонятен и вводит их в заблуждение? И если текст понятен, то возникает другой вопрос: “Понимают ли рецепторы авторское послание правильно?” (перевод мой. – В.С.). Исходя из этого, Найда делает вывод, что для обеспечения правильного понимания смысла текста получателями перевода необходимо использовать естественный эквивалент, передающий тот же смысл, что и соответствующая единица в тексте оригинала, учитывая при этом расхождения в фоновых знаниях носителей ИЯ и ПЯ.

Нет сомнения в том, что коммуникативно-функциональный подход к переводу еще долго не сложился бы в современном переводоведении, если бы не труды ученых лейпцигской школы, прежде всего О. Каде, А. Нойберга и Г. Егера. Для работ немецкого лингвиста О. Каде характерны широкий охват тем и фундаментальность их рассмотрения. Для нас особенно ценными представляются положения работ позднего периода, в которых О. Каде делает акцент на оценке комплексного воздействия текста перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации. Он предлагает различать понятия текста как языкового образования – макрознака, содержание которого определяется взаимодействием семантики составляющих его единиц, и текста как единицы коммуникации. Текст как единица коммуникации получает название «коммуникат», смысл которого возникает при интеграции языкового макрознака в коммуникативную ситуацию. Таким образом, содержанием коммуниката является смысл, а его формой – последовательность языковых знаков, включая манифестированные в них значения. Сущность перевода заключается в замене не текстов, а коммуникатов. При этом центральное место занимает анализ коммуникативной ситуации – цели, предмета коммуникации, отправителя, получателя, представляемых ими коммуникативных сообществ, средств коммуникации и условий передачи информации [2, с. 67 – 68].

Обращает на себя внимание акцент на необходимости учитывать экстралингвистические факторы, влияющие на процесс и результат перевода. По сути, речь идет о важности определения особенностей как самого коммуникативного акта (в рамках которого, собственно, текст и обретает определенный смысл, превращаясь в коммуникат), так

и участников коммуникации, включая те особенности, которые определяются их принадлежностью к определенным коммуникативным сообществам. Интерес представляет и утверждение о необходимости учитывать цель коммуникации. Совокупность этих факторов определяет необходимость изменять текст с целью создания эквивалентного коммуниката, т.е. такого образования, которое может нести тождественный смысл в новых условиях.

Очевидно, что О. Каде удалось избежать крайностей Ю. Найды, характерных для раннего этапа проводимых им исследований. Признавая приоритет коммуниката, О. Каде подчеркивал и направленность перевода на макрознак оригинала, утверждая, что все изменения макрознака должны быть строго обусловлены требованиями двуязычной коммуникации. Другими словами, каждое изменение текста (его формы и, соответственно, семантики) должно быть оправдано необходимостью создать эквивалентный коммуникат, а значит, передать тождественный смысл получателю перевода. О. Каде, как мы видим, не ведет речь о необходимости обеспечить определенное воздействие на получателя перевода, но направленность переводческого действия на получателя является важной составляющей его концепции.

Исследование прагматических аспектов перевода является одной из наиболее значительных заслуг А. Нойберта. Напомним, что прагматика исследует отношение к знакам говорящих. В лингвистическую прагматику «включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [1, с. 390], т.е. со всеми теми факторами, рассмотрение которых как раз и входит в прагматику перевода как в раздел лингвистической теории перевода и определяет суть коммуникативно-функционального подхода к переводу. А. Нойберт указывает, что прагматические отношения коммуникантов к тексту определяются как принадлежностью коммуникантов к определенной национальной, социальной или профессиональной группе, так и использованием в тексте единиц различных экспрессивных и функциональных стилей. Задача перевода – сохранить это прагматическое отношение, т.е. характер воздействия на коммуниканта. Другими словами, сущность перевода заключается в сохранении прагматики оригинала, а для этого грамматика и семантика должны быть отобраны в процессе перевода соответствующим образом. Однако всегда ли прагматика оригинала может быть сохранена в переводе? Сам А. Нойберт считает, что неко-

торые виды прагматических отношений могут быть легко воспроизведены в переводе, а другие – с трудом либо частично, либо не воспроизведены совсем.

Представляется, что в данном случае понятие прагматических отношений в понимании А. Нойберта вполне соотносимо с понятием коммуникативного эффекта и даже сводится к нему. Следовательно, вопрос может быть сформулирован следующим образом: всегда ли оказывается возможным обеспечить необходимый коммуникативный эффект в переводе? Из содержания работ А. Нойберта следует, что возможность сохранения прагматического отношения зависит от типа перевода: при переводе научной, технической литературы возможность возникновения аналогичного прагматического отношения у аудитории ПЯ велика, а при переводе, например, официальных распоряжений, законов, затрагивающих интересы лишь аудитории ИЯ, она практически равна нулю. С этим утверждением принципиально не согласен В.Н. Комиссаров: «Можно усомниться, например, что текст закона одной страны нельзя адекватно перевести на язык другой страны лишь потому, что на ее жителей он не распространяется и поэтому не столь интересен» [2, с. 71]. На самом деле, переводческая практика свидетельствует о возможности и успешности перевода подобного рода материалов. Вероятно, чтобы обеспечить соответствие теоретических положений (в данном случае – концепции А. Нойберта) переводческой практике, необходимо уточнить, в чем, собственно, заключается коммуникативный эффект при переводе, а следовательно, если вернуться к терминологии А. Нойберта, какими могут и должны быть прагматические отношения к тексту со стороны получателей перевода. Узкая интерпретация прагматической адекватности перевода, принятая А. Нойбертом, не дает ему возможности сделать подобное уточнение и оставляет возможность для констатации неперевода даже в тех случаях, когда перевод, по нашему разумению, вполне успешно осуществляется.

Определенный интерес представляют и работы Г. Егера, многие положения которых оказались ценными для становления коммуникативно-функционального подхода к переводу. Г. Егер исходит из положения, что перевод должен быть коммуникативно эквивалентен оригиналу. Это означает, что оба текста должны обладать одинаковой коммуникативной значимостью, которая понимается как мысленный образ, вызываемый текстом в сознании коммуникантов. Поскольку этот образ

не наблюдаем, объективно описать коммуникативную значимость невозможно, а значит, и понятие коммуникативной эквивалентности неопределенно. В качестве выхода из такого положения Г. Егер предлагает заменить коммуникативную значимость ее лингвистическим экспликатом, т.е. содержанием самого текста, которое во взаимодействии с экстралингвистическими факторами и создает этот мысленный образ. Подобное содержание, выводимое из значений (функций) языковых единиц, составляющих текст, Г.Егер называет функциональной значимостью, а совпадение функциональных значимостей оригинала и перевода означает их функциональную эквивалентность. Функциональная значимость составляет лишь более или менее значительную часть коммуникативной значимости. За пределами функциональной значимости остаются различные ассоциации, выводы, реакции и пр., возникающие на основе текста, но не входящие в его содержание непосредственно.

Г. Егер связывает понятие коммуникативной эквивалентности со способностью адресата сообщения извлекать из него передаваемую информацию. Однако вполне очевидно, что познавательные возможности адресата недоступны для объективного описания или измерения, что лишает понятие коммуникативной эквивалентности научной конкретности. Г. Егер пытается устранить этот недостаток, предлагая разграничивать понятия «языковой текст» и «речевой текст», возникающий при помещении языкового текста в конкретную коммуникативную ситуацию. Коммуникативная значимость речевого текста складывается из значения лежащего в его основе языкового текста и экстралингвистической части, существующей в имплицитной форме и зависящей от познавательных возможностей адресата. Поскольку эти возможности индивидуальны у каждого адресата, каждый речевой текст может репрезентировать разные коммуникативные значимости для разных адресатов. Однако у адресатов, принадлежащих к одной и той же языковой или социальной группе, имеется значительная общность знаний, благодаря чему во множестве коммуникативных значимостей данного речевого текста существует некая средняя часть, общая для всех таких адресатов. Таким образом, коммуникативная эквивалентность перевода заключается в сохранении той общей части коммуникативной значимости оригинала, которой он обладает для своих адресатов. В концепции Г. Егера нам представляется важным то внимание, которое он в конце концов стал уделять фактору адресата в переводе. Учет познавательных возможностей адресата

перевода, а по сути – его фоновых знаний и знания коммуникативной ситуации является основополагающим фактором при коммуникативно-функциональном подходе к переводу.

Таким образом, можно сделать вывод, что основная заслуга американских и немецких ученых второй половины XX в. заключается в том, что они включили в сферу изучения закономерностей перевода, помимо самих текстов оригинала и перевода и, соответственно, двух языковых систем, факторы экстралингвистического характера, связанные с личностями коммуникантов, их фоновыми знаниями, познавательными возможностями, с тем воздействием, которое тексты оказывают на адресатов. Можно сказать, что в переводоведческих исследованиях перевод обрел «человеческое лицо» и стал рассматриваться в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации, а не просто как замена одних знаков другими знаками или замена одного текста другим текстом.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Сов. энцикл., 1990.
2. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода (проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых) : учеб. пособие. М. : ЧеРо, 1999.
3. Сдобников В.В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Вып. 2.
4. Nida E.A. *Toward a Science of Translating*. Leiden, 1964.
5. Nida E.A., Waard J. de. *From One Language to Another (Functional Equivalence in Bible Translating)*. Nashville : Thomas Nelson Publishers, 1986.

Communicative effect in bilingual communication: clarifying of a notion

There is regarded the character of communicative effects produced by texts of different genres and styles in the conditions of bilingual (translated) communication. There is suggested considering the communicative effect as a derivative of the text function and as the way of the author's communicative intention realization. There is substantiated the impossibility of full coincidence of communicative effects produced by the original and translated versions.

Key words: communicative effect, communicative intention, text function, scientific text, newspaper and journal informational text, public speech, advertisement, narrative text.